

Виктор ДЬЯКОВ

РОЖДЕНИЕ НАЦИИ

РОМАН

Виктор Дьяков

Рождение нации

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Дьяков В. Е.

Рождение нации / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

События, описываемые в романе, происходят параллельно в 21 веке и второй половине 9-го. В 21-м студент-историк Михаил Арсеньев увлекается идеями своего университетского преподавателя профессора Сиротина и мечтает написать учебник по древней истории России, в корне отличающийся от официальных учебников, как царских, так и советских времен. В 9-м славяне-кривичи, согнанные Рюриком и его варяжскими дружинами с прибыльного торгового пути «Из Варяг в Греки» и обложенные данью, вынуждены уходить на восток, спасаться от варягов в глухих лесах, где обитает финно-угорский народ мещера.

Перипетии 9 и 21 веков чередуются по главам. В девятом рождается русский народ в результате мирного проникновения славян на лесные просторы нынешней Русской равнины, где они мешаются на княжеском и простонародном уровне с аборигенными финно-угорскими племенами. Но не только миром шли славяне на восток. Вятичи, самое дикое славянское племя идет покорять мещеряков огнем и мечом. Но так и эдак в муках рождается новый народ, которому будет суждено дойти до Тихого океана и создать великую страну.

А в 21 веке профессор Сиротин и студент Михаил Арсеньев, потомки тех кривичей, вятичей, мерян, мещеряков, муромы, веси... хотят знать истинную, а не написанную в угоду Рюриковичам и их последователей древнюю историю своей страны. Они хотят, чтобы народ с тысячелетней историей, наконец, узнал о своих истинных корнях, что равносильно новому рождению.

© Дьяков В. Е., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Центр русской равнины начало 21 века.

Михаил сидел в своем «рабочем кабинете», то бишь каморке школьного рабочего по зданию. Каморка представляла небольшое помещение под лестницей, ведущей с вестибюля первого этажа на второй. Именно здесь отгородили закуток, где и оборудовали своего рода мастерскую, в которой Михаил резал стекло, чинил сломанные стулья, замки, и так далее. Минуту уже шесть часов вечера, а в школе еще находились немало, и учеников, и учителей. Вообще-то школа работала в одну смену, но... Но московский район-новостройка, естественно, являлся новым, новой была и школа, ее «история» не насчитывала и десятка лет. Большинство учеников – дети родителей относительно недавно ставших москвичами, или дети приезжих, снимавших неподалеку квартиры. Ну, и учителя, начиная от директрисы и кончая учительницами «на подхвате», работающие в группах продленного дня, тоже в подавляющем большинстве являлись недавно испеченными москвичками. А «провинция во дворянстве» почти всегда рвется громко о себе заявить. Потому, школа не жила спокойной жизнью даже после окончания уроков. Здесь до самого вечера что-то репетировали, пели, плясали, готовили какие-то постановки. Все рвались где-то выступить, что-то выиграть, «засветиться»...

Михаил все это отлично понимал, но в такие репетиционно-авральные дни искренне завидовал тем своим коллегам из нижестоящей школьной обслуги, работающим в школах расположенных в более старых районах города, где и руководство и учителя никуда не рвались, и сами вовремя домой уходили, и учеников не задерживали. Михаил же в такие дни испытывал напруг едва ли не вдвойне. Причина заключалась в том, что он являлся студентом-вечерником и естественно вечером должен был посещать лекции, семинары, консультации. В «нормальные» дни в школе уже после четырех-пяти часов, как правило, никого кроме охраны не оставалось, и Михаил тоже заканчивал работу и спокойно успевал на занятия в свой университет. Но сейчас уже шесть вечера, а вся школьная администрация еще на месте, что-то там смотрят, обсуждают, решают...

Плунуть и уйти, ведь у него нормированный рабочий день и он уже закончился? Но то-то и оно, директриса неофициально с тем условием и брала его на работу, что в подобных случаях его рабочий день «по умолчанию» становился ненормированным. А вдруг он срочно понадобится, например, что-то там сломается или разобьется? И если в такой момент его не окажется на месте, директриса вполне может разозлиться и тогда... И тогда все его довольно хрупкое нынешнее относительное благополучие, заключающееся в том, что он имел возможность, и работать, и одновременно учиться, к тому же ему разрешалось и ночевать в школе, в своей закутке, то есть иметь крышу над головой и питаться недорого в школьной столовой... Все это могло сразу рухнуть. Нет, такого места, такой работы, при всех ее недостатках, Михаил лишиться не хотел. Ведь она позволяла ему учиться не где-нибудь, а в том московском ВУЗе, о котором Михаил мечтал с детства и поступал два раза. Первый раз сразу после школы – неудачно, второй уже отслужив Армию, поступал по льготному списку. Поступил на очное, но учиться пришлось на вечернем.

Нет, родители Михаила искренне хотели, чтобы их сын нормально учился на дневном отделении, обещали помогать деньгами. Но Михаил отказался, ему стало стыдно. И в самом деле, как это он, здоровый двадцатидвухлетний бугай будет жить и учиться за счет родителей, тем более те никогда больших денег не зарабатывали и потому особых сбережений не имели. Помочь они могли разве что в размере оплаты самого скромного питания в студенческой столовой. А вот оплатить снятую в Москве комнату с ее запредельными ценами они уже никак не могли. Жить в общежитии Михаил сам не захотел, а ездить каждый день ночевать домой за сто десять километров... Это, конечно, возможно, многие из его земляков, что учились или работали в Москве, именно так и поступали. Но тогда бы пришлось вставать каждый день в четыре-

пять часов утра, чтобы на первой электричке успеть приехать к началу занятий. От такого графика с ума сойдешь, и любимая учеба в конце-концов каторгой обернется. Имелся и еще один немаловажный фактор – целых пять лет пребывать в ранге бедного студента, сшибающего копейки у родителей за каждую мелочь. Нет, так жить и учиться Михаилу совсем не хотелось. Он же молодой парень, ему и одеться надо, и поесть хорошо хочется. Хватит, в Армии наглодался, и скудное питание студенческой столовой его совсем не прельщало. И потом, если познакомиться с девушкой, для ухаживания за ней тоже нужны определенные деньги, пригласить, угостить... Весь этот «комплекс» вкуче подвиг Михаила перевестись на вечернее отделение и искать работу.

Он пошел по охранным агентствам. Перебрав таковых несколько, остановился на специализирующихся по охране средних школ и детских садов. Ему показалось, что это самый подходящий для него вариант. И действительно, сначала все вроде бы шло так, как он и планировал. Михаил дежурил две недели в школе круглые сутки, потом две недели отдыхал. В недели отдыха он, понятное дело, днями пропадал в университетской библиотеке, вечерами сидел на лекциях, ночевать договорился в студенческой общаге... А вот когда наступали рабочие недели... в эти дни Михаил договаривался с напарником и тот вставал на вахту с 18 до 24 часов, он же уезжал в университет, а потом оставшуюся часть ночи дежурил. В общем, первый курс Михаил таким образом осилил. Но во время летних каникул его перебросили из относительно спокойной школы, не стремившуюся в передовики, вот сюда, где, что называется, «рвали подметки», и здесь у него все пошло кувырком. Теперь в рабочие недели он вынужденно частенько пропускал занятия, ибо просто не мог отлучиться с работы, так как в школе до позднего вечера жизнь «била ключом» и каждовечернее отсутствие одного из охранников не могло остаться незамеченным. К тому же поползли слухи, что два охранника это много и вот-вот ЧОП перейдет на систему с одним, что вообще было неприемлемым. Потому Михаилу пришлось срочно искать выход. И он его нашел.

В этой школе давно уже собирались увольнять рабочего по зданию, любителя прикладывать к бутылке. Его терпели по той причине, что не могли найти замену. Желających, особенно среди гастарбайтеров, конечно, найти было можно, но дело в том, что существовало неписанное строгое правило, на всех должностях школьной obsługi должны находиться только граждане России. Парадокс заключался в том, что даже некоторые учителя не соответствовали данным критериям, но вот техник и прочую obsługę предписывали брать только россиян. Так что житель хоть и дальнего, но Подмосковья Михаил вполне соответствовал. Он пошел к директрисе и предложил свои услуги вместо пьяницы. Та удивилась, что молодой охранник просится на столь низкооплачиваемую работу. Она поинтересовалась, умеет ли он резать и вставлять стекла, чинить замки, протекающие водопроводные краны, производить элементарные электротехнические, столярные и строительные работы. Конечно, ввиду своей молодости Михаил всеми этими навыками в совершенстве обладать никак не мог. Тем не менее, он храбро заверил, что научится, овладеет. Директриса все же не поверила на слово, а поставила вопросом ребром: зачем тебе эта работа, скажи истинную причину? Михаилу ничего не оставалось как признаться – он хочет совмещать работу и учебу, что будучи охранником весьма проблематично...

Директриса вошла в его положение, приняла на работу, но и свой интерес соблюла. Она даже разрешила ему ночевать в школе на своем рабочем месте, но предупредила, что за это кроме своих прямых обязанностей, он должен всегда быть «на подхвате», исполнять работу, и грузчика, и уборщика снега зимой, и газонокосильщика летом, и еще много чего по мелочи. Михаил согласился на все, так он обрадовался, что смог выйти из весьма затруднительного положения. И вновь сначала вроде бы все пошло на лад, он успешно сдал зимнюю сессию... Но затем пошли снегопады и он замучился убирать школьный двор, потом начались внутришкольные авралы, и то завхоз, то директриса постоянно дергали его по всякой мелочи, лампы пере-

горевшие вставлять, слив в унитазе чинить... И это все почему-то случалось ближе к вечеру. В общем, и на новой должности он тоже не всегда успевать на свои лекции.

Вот и сегодня, после пропуска двух лекций Михаил рисковал не успеть на очень важную и интересную для него консультацию по этнологии. Все именно к тому и шло, но, наконец, уже около семи вечера учителя и ученики, участвовавшие в подготовке какого-то массового мероприятия, стали покидать школу. Дождавшись, когда уйдут директриса и завхоз, непосредственные начальники Михаила, он тоже спешно оделся, взял сумку с конспектами лекций и с минуту поколебался, брать или нет ноутбук. Иной раз на семинары и лекции он брал и его, но на этот раз решил, что не стоит. Заперев свою «каптерку», он двинулся к выходу.

– Василич, я пошел, вернусь после одиннадцати, смотри не засни, дверь откроешь, – предупредил Михаил охранника «на вахте», мужчину лет сорока с лишним.

– И охота тебе вот так мотаться по ночам. Действительно охота пуще неволи, – непонимающе покачал головой охранник вслед «студенту».

Ехать Михаилу предстояло в центр города на метро. Здесь располагались старые учебные корпуса университета, предназначенные в основном для функционирования в них платных подготовительных курсов, а так же для занятий студентов заочников и вечерников. Когда Михаил буквально добежал до ближайшей станции метро, на часах было уже почти восемь вечера. На первую пару, начинавшуюся в 18.30, он естественно безнадежно опоздал, но к двадцати тридцати, на начало второй, еще мог успеть. На метро с пересадкой ехал минут двадцать пять. От станции бежал еще минут десять, минут пять сдавал куртку в раздевалке, поднимался по лестнице на второй этаж. В аудиторию Михаил влетел, когда консультация была в полном разгаре...

«Вечерники», люди в основном уже не юные. Во всяком случае, студентов моложе двадцати лет среди них почти не наблюдалось. Более того, многим было явно под тридцать, а некоторым и за. В этой связи они, люди работающие, а то и семейные, всячески приспособлялись, в зависимости от своих житейских обстоятельств. Одна из «вечерниц» даже умудрялась посещать занятия с ребенком, мальчиком лет пяти. Видимо его не с кем было оставить.

Профессор Сиротин Алексей Никитич, читавший на их потоке курс этнологии, на появление взмыленного студента лишь укоризненно покачал головой, при этом не прекращая отвечать на вопрос из аудитории. В аудитории, впрочем, присутствовало едва ли чуть более половины учебной группы. На вечернем отделении это дело обычное. Но Михаил на первом курсе крайне редко пропускал занятия и никогда не опаздывал. Увы, на втором и пропускал, и опаздывал. С ходу «включиться» ему не удалось. Профессор уже под завязку был загружен вопросами по реферату, который студентам предстояло сдавать через полторы недели. Чтобы ответить на них ему не хватило времени до самого конца занятий. Ну, а опоздавший Михаил «в очереди» оказался последним и до него та очередь вообще не дошла. Впрочем, здесь имела место и вина самого профессора. На поступавшие вопросы он не то, что отвечал слишком подробно, а чуть не читал целую лекцию. Он любил и знал досконально свой предмет и когда говорил о нем, мог запросто забыть о времени. Михаил внимательно, с интересом выслушал эти ответы-лекции, хоть почти все они оказались довольно далеки от выбранной им темы реферата. По истечении времени занятий, когда студенты стали покидать аудиторию, Михаил подошел к профессору, который тоже собирался уходить:

– Алексей Никитич, извините, я опоздал сегодня... на работе задержался. Вы бы не могли уделить мне несколько минут?

Профессор рослый, но сублильный, лет пятидесяти пяти, с редкой посеребренной шевелюрой, глянул на студента укоризненно поверх очков.

– Что-то вы Арсеньев в последнее время частенько стали злоупотреблять не только опозданиями, но и пропусками. Насколько помню, когда-то вы были образцом посещаемости. Потому вам нет необходимости напоминать, что студентам, не посещающим мои лекции и консультации я выше «удовлетворительно» не ставлю.

– Да я, конечно, в курсе. Но у меня действительно так сложились обстоятельства, что я никак не мог успеть раньше, – изобразил отчаяние Михаил.

– Ладно, Бог вам судья. Что там у вас за вопросы ко мне. Кстати, какую тему для реферата вы себе взяли? – тон профессора явно смягчился и он вновь опустил за преподавательский стол.

– Этногенез русского народа, – бодро отрапортовал Михаил, довольный что «препод» внял его мольбе.

– Ух, ты! – глаза профессора округлились от удивления. – Да вы гляжу из тех, кто выбирают самый трудный путь.

– Почему? Мне кажется, наоборот, по этой теме так много литературы, что проблем с первоисточниками никак не возникнет, – не понял, чему изумился профессор Михаил.

– Вы так думаете? ... – профессор помедлил, испытующе посмотрев на студента. – В том-то и проблема, что литературы очень много, и она далеко не однозначна. Например, та, что имеется в нашей университетской библиотеке, в основном безнадежно устарела. Какие первоисточники вы уже использовали?

– Ну, прежде всего Топорова «Этнография народов СССР», потом Рыбникова «Очерки этнографии русского феодального города», Седова «Восточные славяне в 6-13 веках» ... – начал перечислять Михаил.

– Стоп. ... – перебил профессор, – все понятно. Вы набрали первоисточники из списка, что указаны в программе.

– А откуда же еще? – изумленно спросил Михаил.

– Поймите, дорогой вы мой, если бы вы взяли любую другую тему из предложенных вам, возможно, означенной в программе литературы было бы вполне достаточно. Но этногенез ... Вы представляете полное значение этого термина? – профессор уже смотрел как-то жалеючи.

В открытую дверь опустевшей аудитории заглядывали студенты-вечерники из других групп – занятия закончились и все покидали здание.

– Конечно, я смотрел «Свод этнографических понятий и терминов». Там сказано, что этногенез это происхождение того или иного народа, – уверенно ответил Михаил.

– Хорошо. Так вы что собираетесь писать о происхождении так называемых восточно-славянских народов, и русских, и украинцев, и белорусов, или только русских? – в уголках губ профессора обозначилась издевательская усмешка.

– Ну да, а разве можно их рассматривать отдельно? – явно не понимал поведения профессора Михаил.

– На первый взгляд действительно вроде бы нельзя. Но дело в том, что на дворе у нас 2008 год. Понимаете о чем я? ... Если бы сейчас был 1978 или даже 88 год, – действительно ничего непонятного. Ведь в те годы этногенез всех этих трех народов фактически не разделяли, во всяком случае, официально. А если говорить проще их историю, образно говоря, валили в одну общую кучу. Так кстати, не впрямую, но фактически говорится в тех первоисточниках, которые вы перечислили. Я буду перед вами предельно откровенен, как русский человек перед русским человеком. Все эти учебники не просто безнадежно устарели, они написаны с позиций враждебных всему истинно русскому, истинной русской истории. Ведь та этнография, что преподавалась в советский период и истинный этногенез русского народа далеко не одно и то же, – профессор сделал акцент на своих последних словах.

– То есть как? Извините, но я вас не понимаю, – Михаил явно был сбит с толку и смотрел на «препода» с недоумением.

– Вы или невнимательно меня слушали или вообще пропустили лекцию, где я предостерегал студентов от этой темы и объяснял почему. Ну, если же вы упорствуете и собираетесь все же брать именно её, то в качестве первоисточника я бы посоветовал прежде всего работу недавно умершей, царство ей небесное, замечательной была ученый... Так вот, я вам советую прочитать работу профессора Татьяны Ивановны Алексеевой, которая так и называется «Этногенез восточных славян», а также совсем недавно вышедшую книгу Балановских «Русский генофонд на русской равнине». И когда вы ознакомитесь с этими исследованиями, то увидите, что изложенное там, едва ли не противоположно тому, что проповедовалось в официальных учебниках. Конечно, и эти работы ни в коем случае нельзя считать истиной в последней инстанции. И вообще Михаил, так насколько я помню вас зовут, – профессор вдруг перешел на доверительный тон, – исходя из сложившихся к концу двадцатого века исторических реалий, оснований говорить об абсолютной идентичности происхождения так называемых восточно-славянских народов, не так уж много. Хотя надо отметить тот непреложный факт, что многие ученые, как старшего поколения, так и молодые по-прежнему утверждают именно оное, продолжая многовековую традицию, зародившуюся еще в царской России и которую официально, как догму приняли и в советской исторической науке...

Профессор опять забыл о времени, но был вынужден прерваться, ибо его внимание отвлекла комендант здания, стоявшая в дверях аудитории с крайне возмущенной миной на лице.

– Все-все, уходим, – виновато проговорил профессор и, подхватив свой портфель, заторопился к выходу.

– Погодите, это как?... Я что-то не догоняю. Алексей Никитич, – Михаил шел рядом с профессором, – но ведь во всех пособиях...

Профессор остановился посередине пустынного коридора и заговорил неожиданно зло:

– Если хотите постичь истину, научитесь отличать учебники, написанные в угоду политической конъюнктуры, от настоящих научных работ. Я же вам могу лишь посоветовать прочитать работы Алексеевой и Балановских, или меняйте тему реферата. Поймите, эта тема уж очень спорная, я бы сказал по нынешним временам даже взрывоопасная.

Профессор вновь двинулся вперед, явно давая понять, что сказал все.

– Но Алексей Никитич... подождите... если как вы намекаете, что русские, украинцы и белорусы вовсе не такие уж близко-родственные народы, то как объяснить большое сходство их языков? – этот вопрос Михаил задавал профессору когда они уже спустились в раздевалку.

– Идти по пути определения родства народов по сходству их языков, это самый легкий и поверхностный способ изучения этногенеза. Но ответьте мне на такой вопрос, например, казахи, узбеки и азербайджанцы говорят на родственных тюркских языках, но во всем остальном совершенно не похожи друг на друга, ни внешне, ни по ментальности. Или русские и болгары, то же самое. Потому понятие славяне, тюрки или финно-угры прежде всего лингвистическое, но далеко не всегда генетическое. В пределах той или иной лингвистической группы часто находятся народы генетически весьма друг от друга далекие. Так имеем ли мы право при глубоком изучении этногенеза опираться в первую очередь на язык?... Нет и нет. Необходимо учитывать все доступные современной науке средства исследования: антропологические, генетические. Только независимые друг от друга источники в комплексе дают объективные сведения о структуре генофонда того или иного народа...

Профессор продолжал говорить, одновременно одевая пальто. Параллельно тоже одевал свою куртку Михаил – одевал и слушал.

– И имейте в виду, история дославянского населения на русской равнине на порядок больше русской истории. Русский генофонд вобрал в себя гены многих популяций живших здесь и составил свой генетический код. Потому и случается так часто, что официальное родство народов только языком и исчерпывается, а во всем остальном они друг от друга за века и тыся-

челетия так разошлись, что общих ген осталось совсем немного. А в то же время с другими народами, родной язык которых принадлежит совсем к другой языковой группе, наблюдается куда больше общего и во внешности, и по наличию множества одинаковых ген, и в ментальности. Причем такое положение дел сложилось не вчера и не сто, или двести лет назад, а уже много веков назад. А у нас по-прежнему все норовят делить народы по языковому сходству. А что касается русских, украинцев и белорусов, родство конечно есть, но насколько оно близкое, очень большой вопрос. И я вас умоляю, Миша, чтобы наши беседы по этому вопросу имели смысл, прочтите Алексееву и Балановских. Алексеева начинала проводить антропологические исследования еще в пятидесятые годы прошлого столетия во Владимирской, Ярославской и Костромской областях. Использовались правила трех поколений, то есть исследовались только те коренные жители, которые в третьем поколении и более жили там же на одном месте, чтобы избежать влияния миграций советского периода. Понимаете, о чем я говорю! – повысил голос профессор, чтобы Михаил слышал его через уличный шум – они уже шли по направлению к метро.

– Да, но разве можно о всем русском народе судить по результатам исследования всего лишь в трех, пусть даже самых что ни на есть русских областях, – слабо возражал буквально захлестнутый потоком совершенно ему неведомой информации Михаил.

– Вполне можно. Ведь территория Поволжья, Дона, Урала, Сибири, да и Северного Кавказа были прочно заселены русскими в эпоху, когда этнический тип русских уже сформировался именно на русской равнине. Да и потом в период территориального роста Российской империи и уже в советские времена окраины и другие советские республики питали в основном европейские русские области. Вы знаете, какова численность населения была до революции в Вятской, ныне Кировской области? Два с половиной миллиона человек. А сейчас там живет миллион триста тысяч. За советское время население этой коренной русской области сократилось почти вдвое. Примерно тоже можно сказать и про другие исконно русские области. Это коренное русское население не исчезло, оно просто переселилось подгоняемое советской пропагандой в Сибирь, на Урал, Дальний Восток, в другие советские республики... Что касается литературы, которую я вам рекомендую, работу Алексеевой как раз дополняет книга Балановских. Это даже не столько научный труд сколько итоговый отчет об исследованиях различных популяций коренного русского населения, что производились этнографическими экспедициями, начиная с пятидесятых годов и кончая двухтысячными. Обязательно прочтите, и только тогда у нас с вами получится предметный разговор. На следующей неделе у меня последняя консультация, там и поговорим. Только больше не опаздывайте, до встречи, – профессор чуть приподнял шапку и повернул к эскалатору – они, увлекшись разговором, уже зашли в вестибюль метро, и Михаилу надо было идти к другому эскалатору.

Пока ехал назад в метро, шел до школы по морозной январской Москве, Михаил только и думал о том, что ему говорил профессор. Вывод напрашивался однозначный – по легкому этот реферат никак «спихнуть» не получится. Может, действительно сменить тему, пока время есть? Взять, например, «Дворы, усадьбы и дома старой Руси». Любо-дорого, и материала полно и никаких различий в толковании, что в царское время, что в советский период, что сейчас. Однако исподволь все сильнее хотелось узнать, что именно ему пытался втолковать «препод». Несмотря на колебания относительно темы реферата, Михаила решил обязательно прочитать книги, что рекомендовал ему профессор, которых почему-то не было в официальном программном списке рекомендованной литературы по курсу этнологии.

Охранник, конечно же, уже спал. Михаилу пришлось перелезть школьный забор и минут десять руками и ногами колотить в дверь, чтобы его разбудить, а потом некоторое время уговаривать дать ему ключ от кабинета информатики. Охранник ругался, но так хотел спать, что в

конце-концов уступил, неприязненно бросив ключ, висевший над его вахтовым столом напротив номера соответствующего кабинета:

– На, лови, только смотри не натвори там чего-нибудь, сам знаешь, с меня спрос.

– Не беспокойся Василич, в первый раз, что ли. Я недолго, и ключ сам на место повешу, а ты ложись.

– И хочется тебе не только вечерами, но и ночами учиться, когда нормальным людям спать положено,— недовольно ворчал охранник вслед избежавшему на второй этаж пустынной школы Михаилу.

Еще одно удобство места работы Михаила заключалось именно в том, что он имел возможность ночами вот так проникать в кабинет информатики и бесплатно, то есть фактически за счет школы, выходить в Интернет. Воспользовался такой возможностью он и сейчас. Михаил не использовал компьютеры школьных преподавателей информатики, зная, те наверняка отследят, что кто-то пользовался аппаратурой в их отсутствие. Он просто подключал к Интернету свой ноутбук. Еще в позапрошлом году, только начав учиться в университете, Михаил со всей очевидностью осознал, что без собственного компьютера современному студенту никак не обойтись. И он, откладывая деньги с каждой зарплаты, через три месяца приобрел-таки ноутбук. До того знакомый с компьютером весьма поверхностно, Михаил уже к концу первого курса прошел путь от «чайника» до весьма уверенного пользователя. Тут сыграло свою роль и то, что работая в школе, он имел возможность постоянно консультироваться у профессиональных преподавателей информатики.

Михаил отпер кабинет, не включая света, подключился к модему информатиков и вскоре уже блуждал по просторам Рунета. Он забил в адресную строку имя Татьяна Алексеева и включил поиск. Михаил очень надеялся, что работа, которую ему настоятельно советовал прочесть профессор, выложена в Интернете. Но, увы, находились только отзывы, или статьи о той работе других авторов, как хвалебных, так и резко отрицательных. В одной из отрицательных автор возмущался, что Алексеева ставит под сомнение славянское происхождение племени вятичей и по антропологическим признакам черепов и скелетов из захоронений времен средневековья относил их скорее к финно-уграм, нежели к славянам. Для Михаила это все звучало как китайская грамота, ибо самого оригинала статьи вокруг которой «ломались копыя» он так и не нашел. Из недр интернета Михаила буквально вырвал звонок мобильного телефона в его внутреннем кармане...

Как же это замечательно иметь работу и стабильную, пусть и совсем небольшую, зарплату. Михаил мысленно не раз себя поздравил с тем, что не уподобился тем великовозрастным детям-студентам, сидящим на родительской шее. Еще будучи охранником, он имел в месяц по двадцать тысяч рублей, сейчас когда он поменял охранное агентство непосредственно на школу у него выходило меньше, но все равно он мог фактически полностью себя обеспечивать и даже более того, имел возможность изредка пригласить в ресторан, или даже в недорогой ночной клуб девушку...

С Викой Михаил познакомился тоже здесь в школе, когда еще работал охранником. В обязанности охранника вменялось в первую очередь не допускать в школу посторонних лиц, а так же препятствовать покидать школу ученикам, сбежавшим с уроков. Некоторые тогдашние коллеги Михаила, впрочем, в исполнении своих обязанностей не особо усердствовали. Они сквозь пальцы смотрели на то, как отдельные старшеклассники покидали школу посреди уроков, или не могли удержать на входе борзую мамашу, прибежавшую разбираться с учителями, обидевшими ее чадо. Особенно тяжело приходилось охране, когда в школу приходили «разбираться» кавказцы. Они, как правило, приводили с собой по несколько человек родственников, и тут даже добросовестному охраннику удержать их было нелегко. Нет, Михаил несмотря на то, что изо всех сотрудников агентства являлся едва ли не самым молодым, не пасовал ни

перед напористыми родителями, ни перед самыми наглыми старшеклассниками, и даже перед «стреляющими глазками» девченками-нимфетками. Опыт армейской службы, где ему не раз приходилось вступать в казарменные конфликты со сплоченными джигитами, в которых он узнал их сильные и слабые стороны... Этот опыт помог ему в тех случаях, когда в школу чтобы «поговорить» пытались проникнуть данные «горячие» особи. В общем, когда Михаил стоял «на вахте», он не пропускал в школу в урочное время никого кроме сотрудников школы. Но в тот день в дверь школы посередине учебного дня буквально влетела и, не задерживаясь, энергичной походкой через вестибюль направилась прямо к лестнице молодая особа.

– Девушка, вы куда!... Стойте! Сюда посторонним нельзя!– сидящий «на вахте» Михаил вскочил, кинулся следом и схватил «прорвавшуюся» за рукав куртки.

– Пусти!– неожиданно громко воскликнула девушка и попыталась вырваться.– Вы... вы что новенький, не знаете, кто я такая!?– на ее лице отобразилось искреннее возмущение.

Михаил от такого тона даже несколько смутился, ибо дежурил в этой школе всего вторую неделю. Тем не менее, вроде бы весь местный педколлектив и прочую обслугу он уже более или менее знал. Более того, естественное внимание обращал на молодых учительниц. А эта... нет, эта девушка ему была явно не знакома. Потому Михаил переборол смущение и заговорил тверже:

– Извините, а разве вы здесь работаете? Что-то я вас впервые вижу.

– Нет, я здесь не работаю... здесь моя мама работает, учитель математики Людмила Петровна. И я всегда к ней свободно проходила,– девушка продолжала говорить чуть не с вызовом, все время порываясь продолжить свое движение вглубь школы.

Но Михаил не пустил:

– Извините, но я вас не знаю, и потому пустить не имею права. Если же здесь работает ваша мама, то мы сейчас позвоним в учительскую, и ее к вам вызовут, если конечно она не на уроке...

Вот так и произошло знакомство Михаила с Викой Рыжовой. Вика довольно часто таким образом прибегала к матери, и Михаил уже беспрепятственно ее пропускал, так же как и ее младшую сестру Лизу. Вике на момент их знакомства исполнился двадцать один год, Лизе – девятнадцать. После того как Михаил из-за вахтенного стола охранника перебрался в каптерку рабочего по зданию, он волей-неволей еще глубже окунулся во внутришкольную жизнь. Когда Михаил еще сам учился в школе, он и не подозревал о наличии столь большой «подводной части айсберга», невидимой, как правило, для непосвященных. Ученики и их родители обычно наблюдают лишь «надводную часть». Для Михаила, прежде всего, стало неожиданностью довольно высокие заработки большинства учителей московских школ. Они раза в полтора-два превышали аналогичные заработки учителей подмосковных школ, а в сравнении с более отдаленной провинцией разница достигала уже трех-четырех, а то и пяти-шести раз. Так что официальная молва о «нищих учителях» оказалась справедливой только в отношении провинциалов. О том, что та же викина мать получает в месяц более сорока тысяч рублей, да еще имеет дополнительный приработок в виде платных учеников, Михаил узнал как раз от Вики, когда они познакомились поближе. Теперь, приходя вроде бы к матери, Вика не столько проводила время с ней, сколько болтала с Михаилом, сначала «на вахте», а потом и в его «каптерке». А вот о том, что «училки» в Брянской, или Тамбовской областях имеет в месяц пять-шесть, а в лучшем случае десять тысяч, он узнал от своих тогдашних коллег охранников, бывших оттуда родом.

Отец Вики и Лизы давно развелся с Людмилой Петровной, тем не менее, материально семья Рыжовых являлась вполне самостоятельной. Они имели трехкомнатную квартиру, отремонтированную по евростандарту, соответствующую обстановку, и несколько лет назад приобрели иномарку «Форд», которую по очереди водили мать и старшая дочь. Потому так часто и забегала Вика в школу, подгоняя машину и отдавая ключи от нее матери, или наоборот, заби-

рая ключи и уезжая на припаркованной у школы машине. Младшая сестра пока что машину не водила, но собиралась поступать на курсы вождения. Михаил как-то спросил Вика:

– И как же вы будете свой «Форд» на троих разрывать, если даже для вас двоих такой напряг?

– Нет проблем, вторую купим, – отмахнулась Вика, вызвав очередной «приступ» тщательно скрываемого удивления у Михаила.

Поразмыслив трезво, Михаил понял, что удивляться здесь особо нечему. Это ему с его подмосковной «колокольни» казалось, что покупка второй машины в семье, где нет ни одного мужика, нечто запредельное. А по московским меркам... Людмила Петровна и Вика работают, Лиза учится. У матери сорок тысяч с гаком в месяц, иногда и за пятьдесят зашкаливает, Вика закончила какой-то ускоренный частный ВУЗ, работала в турагентстве и имела чуть за двадцать тысяч. То есть на семью получалось порядка семидесяти тысяч или до двух с половиной тысяч баксов. Если учесть, что в Москве подержанную иномарку в хорошем состоянии можно было приобрести за 12-15 тысяч долларов... В общем, как уже неоднократно убеждался Михаил, в Москве, имея квартиру и прописку, можно жить материально весьма неплохо даже будучи всего лишь учительницей, разведенкой или молодой начинающей сотрудницей сферы туристического бизнеса, и опять же даже не имея ни одного мужика в доме.

Вика довольно часто звонила Михаилу. Отношения меж ними по времени насчитывали где-то около года, и их трудно было назвать отношениями между парнем и девушкой в неофициально общепринятом для постсоветского периода смысле слова. Оба они являлись довольно занятыми людьми. Михаил днями работал, вечерами учился. Даже по субботам у него были занятия, а воскресения он проводил у родителей. Вика, кроме того, что высиживала определенное время в офисе своего турагентства, частенько разъезжала по городу, аэропортам, утрясая различные вопросы по организации загрантуров. Ее как молодую сотрудницу «гоняли» по Москве, но возглавлять тургруппы за рубеж, самые «хлебные» должности в турагентстве, пока что не доверяли. Именно для служебных поездок ей так часто нужна была машина, которую она и забирала у матери. В своих хлопотах Вика тоже довольно часто зарабатывалась допоздна. Таким образом, у молодых людей времени, чтобы встречаться, например, вечером, куда-нибудь сходить, таких возможностей за все время знакомства выпало всего несколько раз. Как-то они сходили на молодежную дискотеку. Им не понравилось, там в основном отрывались тинэйджеры до двадцати лет. Ночные клубы... как-то ни у Вики, ни у Михаила не возникло желания туда заглянуть. Они не были и тем более не изображали из себя эдаких «крутых», а ночной клуб в мировоззрении их обоих казался пристанищем именно для подобных менов и герлз, к тому же провести полночи в клубе, а потом утром идти на работу... Другое дело ресторан. Именно туда один раз и пригласил Михаил Вика. В том ресторане работал двоюродный брат одного из его бывших коллег по школьной охране. Коллега, рекомендуя ресторан, отметил:

– Если хочешь нормально выпить, поесть и с девчонкой в культурной обстановке посидеть, вот адрес... Классный ресторан, хоть и недешевый. Хозяин еврей, но устроено все строго по-русски, и главное, туда «черных» на порог не пускают. Тот еврей так своей охране и прочей службе и говорит, что хотите делайте, но чтобы «черных» за столиками не было. Пропустите – уволю. Потому там обстановка всегда спокойная, ни драк, ни к бабам приставаний...

Последнее обстоятельство и подвигло Михаила пригласить Вика именно в оный ресторан, хотя он действительно оказался не из дешевых. Ко всему Вика как-то призналась, что побаивается именно «черных». Какой уж там негативный опыт общения с «джигитами» она имела, Вика не уточнила, а Михаил постеснялся выспрашивать. Если после дискотеки они плевались, то ресторан им обоим пришелся по душе. Обстановка оказалась действительно уютной, спокойной, расслабляюще-приятной. Все от официантов до тихой баюкающей музыки располагало к задушевно-откровенной беседе. Вика, забывшись, призналась, что мать не одобряет ее знакомство, встречи и перезванивания с охранником, ставшим потом школьным рабочим

по зданию. Более всего Людмила Петровна опасалась, как бы не дошло до интима. Вика что-то пыталась объяснить, но Михаил так и не уразумел, чем он не понравился матери Вики. Ведь когда он видел ее в школе, Людмила Петровна внешне никакой антипатии к нему не выказывала. После этого неожиданного известия вечер, в общем, оказался испорчен, хоть они по-прежнему ели, немного пили, танцевали... и все, в том числе и счет, который оплатил, естественно, Михаил, все было на высшем уровне, или выражаясь молодежным слэнгом «супер». Тем не менее «бочку меда» безнадежно испортила «ложка дегтя».

К сожалению, они крайне редко могли позволить себе проводить друг с другом много времени, и обычно этот вакуум в их отношениях в какой-то степени восполняли телефонные разговоры. Причем и здесь имелось определенное ограничение. Вика не разрешала звонить себе в рабочее время и когда этот звонок могла бы услышать ее мать. Таким образом, куда чаще звонила она сама. Михаил тоже ограничил Виду – не звонить когда он по времени должен был находиться в университете. Потому иной раз Вика звонила ему вот так, фактически ночью после его возвращения из университета, в это время Людмила Петровна уже засыпала и не могла отследить, куда это звонит ее дочь. Вот и сейчас, когда минула уже полночь, Михаила из Интернета «выдернул» звонок Вики.

– Миш, ты еще не спишь?... Извини, если разбудила, – послышался в трубке явно озабоченный голос девушки.

– Да нет, я только из универа приехал. А ты, что это не спишь так поздно? – в свою очередь спросил Михаил.

– Не до сна мне сейчас, у нас тут такая засада, – еще более отчетливо в голосе девушки зазвучало нешуточное беспокойство.

– На работе, что ли, проблемы? – предположил Михаил, одновременно отключая ноутбук, ибо начало разговора предполагало его немалую продолжительность, а раз так, то лучше покинуть кабинет информатики и спуститься в «каморку».

– Да нет, я же тебе говорю дома... Миш, ты помнишь я тебе говорила, что мы собирались покупать вторую машину?... Ну так вот, третьего дня нам ее пригнали, «Опель», прямо из Германии. Машина хоть и не новая, но очень в хорошем состоянии. Восемнадцать тысяч баксов отдали.

– Ну что ж, поздравляю. Теперь тебе всякий раз у матери машину просить не придется, на своей ездить будешь.

– Рано поздравлять. У нас тут и проблема нарисовалась некстати через ту машину, – в голосе девушки уже чувствовалась неподдельная тревога.

– Неужто, сразу разбили? – в свою очередь выразил обеспокоенность и Михаил.

– Да нет, тьфу-тьфу, хотя то, что случилось, может, и не лучше, если не хуже. Помнишь, я тебе говорила, что сестра Лизка на курсы вождения ходила?

– Ну, помню.

– Так вот она их окончила, экзамен сдала, права получила. И как только этот «Опель» мама оформила, Лизка и давай ее уламывать: дай на новой поездить. Мать и разрешила на нашу голову, – в голосе Вики послышались и злые нотки.

– Правила что ли нарушила, права забрали? – Михаил лишь мог предположить, что за проблема возникла в связи с новой машиной.

– Да нет... Поверишь Миш, наша Лизка умудрилась прямо на дороге, на проезжей части с хачём познакомиться! – теперь голос девушки передавал уже высшую степень возмущения.

– С кем... с каким еще хачём? Как это на дороге... она, что подвозила его? – не мог взять в толк то, что сообщила ему Вика Михаил.

– Да нет. Этот хач тоже ехал на своей машине, увидел Лизку за рулем. Видно она так ему понравилась, что у того кровь закипела. Им ведь для этого не много надо. Он ее и стал к

тротуару прижимать по-наглому. Если бы меня, я бы конечно этому гаду не далась. А у Лизки опыта вождения нет, она и растерялась, остановилась. А он из своей машины вышел и опять по-наглому к ней в машину прямо сел. Вот так и познакомились. Конечно, кучу комплиментов наговорил, в ресторан сразу пригласил, и вообще, все что пожелаешь добуду и сделаю. Ну, ты же знаешь как «черные» охмуряют молоденьких русских дурочек, да и не только молоденьких. Вон сколько таких дур за них замуж повыскакивали, а он, как только пропишется здесь, сразу сюда еще одну жену из чуркестана везет. Вот и Лизка от всех этих его комплиментов поплыла. От ресторана, правда, ума хватило отказаться, а вот на свидание согласилась. Я ей говорю, не ходи, а она мнетя, похоже только о нем и думает. Во как пыль в глаза дуре напустил!

– Постой Викуль. Ты же вроде говорила, что у твоей сестры уже есть парень, они учатся вместе, – вклинился в монолог девушки Михаил, уже повесивший над вахтенным столом охранника ключ от кабинета и направившийся в свою «коморку».

– Да какой там парень, так ребенок. Лизка, кстати, этому хачу сказала, что у нее мальчик есть. А тот только рассмеялся и опять в наглую говорит, что такое русский мальчик в сравнении с кавказским мужчиной, младенец. Вот ведь сволочь какая, насколько в себе уверен. В чужой стране средь бела дня на проезжей части прижал машину незнакомой девушки, не спрашивая разрешения сел в нее, познакомился и еще хвастает, что он... Чурка сраная, только с гор спустился и позволяет себе что хочет. Я их и так не переносу, а тут такое. Просто зла не хватает, как подумаю, что моя родная сестра с черножепым... И поговорить, главное не с кем. Вот решила тебе позвонить, – окончательно пояснила причину столь позднего звонка девушка.

– Слушай Вик, ты раньше времени не паникуй. Если тебя сестра не слушает, пусть мать на нее воздействует, – попытался дать совет Михаил.

– Ох, Миш, что мать, ты нашу мать видишь только, когда она с гордым видом по школе ходит. Ты же ее совсем не знаешь. Именно отношение к этому нашей мамы меня больше всего и беспокоит, – вздохнула в трубку Вика.

– Что за отношение? – не понял, что имела в виду девушка, Михаил.

Ответа не последовало, было лишь слышно, как Вика возбужденно сопела в трубку. Она заговорила лишь после продолжительной паузы:

– Ладно Миш, извини что потревожила так поздно. Ты же только из универа, спать, наверное, хочешь, а я на тебя все наши проблемы вывалила. Чао милый, спасибо что выслушал, – довольно неожиданно завершила разговор Вика и, так и не ответив на последний вопрос Михаила, отключилась.

Что все это означало, и насколько действительно все там серьезно, Михаил так и не мог уразуметь. И потом это вырвавшееся у Вики: ты нашу мать не знаешь. Конечно, откуда он мог знать, что за человек Людмила Петровна, разве что она считалась лучшим специалистом-математиком в школе. И все же из рассказов Вики о матери он определенное мнение о ней составил. Людмила Петровна выражаясь словами героя Тургенева Базарова «сама себя сделала». Если ее дочери уже являлись урожденными москвичками, то сама она оказалась землячкой Михаила и его родителей. Ибо Шатура родной город Михаила и Егорьевский район, откуда происходила Людмила Петровна, на карте Подмосковья располагались рядом, соседствовали. Если родители Михаила являлись потомственными энергетиками и всю жизнь трудились на знаменитой шатурской ГРЭС, то Людмила Петровна родилась в деревне в семье простых колхозников. Тем значимее казалось ее, так сказать, превращение обычной сельской девочки в педагога московской школы со всеми сопровождающими атрибутами теперь уже стопроцентной москвички: прописка, квартира, машины... и все прочее. Семейная жизнь с мужем, правда, не получилась. Но даже это обстоятельство Людмила Петровна объясняла просто и уверенно: лучше жить без мужа, чем мучиться с таким, который не в состоянии хорошо заработать. Именно таковым и являлся ее бывший муж, отец Вики и Лизы. Когда разводились Людмиле Петровне не испол-

нилось и сорока лет, она вроде бы была и умна и в неплохой «телесной форме», и казалось, ей еще встретится тот самый энергичный, пробивной, добычливый... Но увы, за десять лет так и не встретился. Даже в Москве такие «на дороге не валялись». С годами, а Людмиле Петровне уже исполнилось сорок восемь лет, шансы на повторное замужество стали совсем мизерными. А вот непробивной и малозарабатывающий бывший муж, которого Людмила Петровна фактически бросила, женился вторично. И хоть зарабатывать хорошие деньги он так и не научился, в новой семье был весьма счастлив, там у него тоже рос ребенок и тоже девочка. За исключением патологического неумения зарабатывать деньги, отец Вики и Лизы человек был весьма положительный, и алименты все положенные годы честно выплачивал, и дочерей не забывал – регулярно поздравлял и делал посильные подарки на именины и восьмое марта.

Из рассказов Вики о своей матери, Михаил, наконец, догадался о причине негативного отношения Людмилы Петровны к завязывающимся отношениям ее дочери с ним. Они были те же, из-за которых она в свое время рассталась со своим мужем. Однажды Михаил прямо спросил Вика, чем же он не глянулся ее матери. Вика столь же откровенно поведала: Людмила Петровна, когда узнала, что Михаил учится на историка, сразу сделала безапелляционный вывод, что он с такой специальностью никогда хорошо зарабатывать не будет, разве что если сумеет стать академиком. Но даже если такое случится, он до тех пор так измучает бедностью семью, что и от академических заработков радости не будет. Своим дочерям Людмила Петровна упорно втолковывала, что сейчас самые перспективные женихи учатся на управленцев, юристов, финансистов, нефтяников или каких-нибудь торговых менеджеров. Вика, и учиться пошла, и работать в туристический бизнес в основном в результате «прессинга» со стороны матери, потому как тоже дело перспективное и там можно найти соответствующего жениха. А История? Да кому она сейчас нужна. Это в советское время такая профессия считалась перспективной, потому что с дипломом историка можно было сделать парткарьеру. В те годы не то, что в университет, на исторические факультеты областных педвузов без блатов ниже райкомовского было трудно поступить. Но что было, то безвозвратно ушло.

Да, не одобряла Людмила Петровна ухажера дочери, но пока в открытую не препятствовала их нечастым свиданиям. Тем не менее, она регулярно напоминала Вике, что мужиков на свете много, и пока есть время не надо спешить, главное не ошибиться, чтобы потом не жалеть. Впрочем, Вика к предостережениям матери всерьез не прислушивалась. Для нее куда важнее было то, что Михаил по всему не бабник и в их отношениях не форсирует события, ухаживает хоть и без шика, но в то же время сразу дал понять, что Вика ему очень нравится... в первую очередь физически.

Это только в старой романтической литературе упорно втюхивают, что на первом месте у влюбленных душа, внутренний мир, и лишь где-то там на задворках тело. Ну, а в современной постсоветской беллетристике напротив, любовные отношения низведены до чисто «механических функций», не успели познакомиться – и в койку. Обычные молодые люди, не выдающиеся ни какими «углами», как правило, тяготеют к середине. Потому и Вика, когда осознала, что Михаилу прежде всего нравятся не «мечтательное выражение ее глаз», и не «границы ее богатого внутреннего мира», а вполне осязаемые плотские вещи: ее ноги, грудь и даже, пардон, попа... Это ее вовсе не шокировало. Ведь во все времена девушки с нормальной психикой предрасположены положительно реагировать именно на такого рода внимание. Даже при выборе одежды основная задача женщины, выгодно подать в первую очередь именно ту же грудь, ноги, ну и все прочее. И Вика тоже естественно «подавала», а Михаил своей этакой ненавязчивой прямотой в комплиментах и «подкупил» ее. Первым делом, когда их отношения еще находились в «зачаточном» состоянии, он обратил внимание на небольшой размер ее обуви:

– Ух, какие туфельки!?

– Туфли как туфли, в «Матино» купила за четыре тысячи, – непонимающе пожала плечами девушка.

– Да нет, я про то, какие они маленькие. У тебя какой размер?

Так, вроде бы невзначай, Михаил бросил «пробный шар». И Вика не осталась равнодушной к тому, что этот сидящий «на вахте» молодой школьный охранник обратил внимание на ее маленькую ступню. Впрочем, внешне она не подала вида:

– Не такая уж и маленькая, тридцать седьмой размер.

– Как же не маленькая, какой у тебя рост? Наверное все сто семьдесят, для такого роста ножка просто миниатюрная,— завоевав «плацдарм», Михаил продолжил наступать.

– Какие сто семьдесят,— возразила Вика, явно польщенная, что Михаил явно завысил ее рост,— У меня всего сто шестьдесят пять.

– Разве? А смотришься выше. Ну, все равно, очень маленькая ножка,— с видом знатока заключил Михаил.

Произносимое им слово «ножка» сыграло роль тарана окончательно пробившего брешь в оборонительных порядках девушки, а все остальное лишь закрепило успех. После этого Вика уже жила неосознанным желанием еще слышать примерно то же, и даже куда более откровенные комплименты во время их кратковременных встреч, когда она забежала к матери за ключами от машины. Ну, а потом, когда Михаил обзавелся собственным «рабочим кабинетом», она и туда приходила, чтобы в первую очередь услышать его чрезмерно «плотские» комплименты. Михаил же всякий раз все увеличивал «смелость» своих высказываний касательно внешности Вики, уже не сомневаясь, что ей это нравится.

Они оба были молоды, но уже не юны. Несмотря на это в общении с представителями противоположного пола ни он, ни она особого опыта не имели. Даже то, что вроде бы так ловко получалось у Михаила, выходило скорее по наитию, нежели он имел какой-то продуманный план, как «закадрить» девушку. Да и Вика, несмотря на имевшиеся у нее нечто вроде знакомств с рядом парней, ни в школе, ни в том частном ВУЗе, ни на нынешней работе по-настоящему так ни с кем до Михаила не «закрутила». Почему у нее до двадцати одного года не было тесных отношений с парнями? Она и сама себе нет-нет, да и задавала такой вопрос. И внешне вроде все в порядке, хоть и не сногшибательная красавица, но явно лучше многих. Правда, несколько полновата, но как все говорили, это ее ничуть не портило, скорее наоборот. И одеваться любила и умела, всегда по моде, и вроде не дура. А вот все как-то не складывалось. Вику даже стали посещать мысли типа: это же ужас, мне двадцать один, а я до сих пор ни с кем... да я же почти уже старая дева. Как-то в порыве откровенности она созналась в том матери. Людмила Петровна тут же словесно отчехстила дочь:

– И думать про это забудь. Я за твоего отца в двадцать четыре вышла, и до того никогда не боялась, что старой девой останусь, и тебе нечего бояться. А чтобы переспать с первым подвернувшимся большого ума не надо. Ты лучше думай о том, как бы найти и выйти замуж за такого мужчину, который тебя полностью обеспечит, и ты будешь за ним, как за каменной стеной. А когда ты такого найдешь, в двадцать два или в тридцать, не имеет значения. Лучше в тридцать настоящее счастье найти, чем в двадцать выскочить черти за кого и потом всю оставшуюся жизнь мучиться.

Слова матери возымели действие, Вика успокоилась и вот, наконец, встретила парня, причем там, где никак не ожидала встретить, и он говорил ей такие слова, от которых иногда бросало в краску, но она так хотела это слышать. В свою очередь и она иной раз показывала, нечто напоминающее ревность. Так однажды она решила подковырнуть его, высказав предположение, что в школе на него, наверняка, обращают внимание, и молодые учительницы, и даже некоторые старшеклассницы. Михаил и здесь сумел ей весьма изобретательно угодить: да, есть такая тенденция, но почему-то активность на данном «поприще» проявляют женщины и девушки совсем не в его вкусе, как правило, не по-женски сложенные. На последовавший ожидаемый вопрос: какое же телосложение он считает истинно женским, Михаил тут же с готовностью удовлетворил любопытство Вики:

– Вот у тебя сочетание что надо. А то, что это за девчонки пошли, у которых плечи как у мужиков, а бедер нет,— делал очередной беспронимательный комплимент Михаил.

Вика в ответ изобразила нечто среднее между смущением и возмущением, но и потом всячески старалась спровоцировать его на такие откровения, что Михаил делал с превеликим удовольствием. Так, в прошлом году в мае, когда установилась теплая погода и едва ли не все девушки и многие женщины стали носить короткие кофточки-топ и опускать юбки низко на бедра... Вика тоже явилась в школу в «топе», и Михаил конечно сразу «клюнул», не удержался от высказываний касательно ее обнаженного животика, правда, выждав момент, когда рядом никого не было:

– Ух, какая прелесть, можно потрогать?— при этом Михаил сделал движение, будто как раз и собирается конкретно коснуться рукой «обнаженной прелести».

Вика, с трудом сдержав довольную улыбку, выставила вперед ладонь с длинными «нарощенными» ногтями:

– Успокойтесь, молодой человек, пока что нельзя, а дальше видно будет, посмотрим на твое поведение.

– Ну, тогда я буду просто смотреть и любоваться. Это-то можно?

– Можно,— великодушно позволила и рассмеялась довольная Вика.

Вот так, скоро уже год ни шатко, ни валко развивались отношения Михаила и Вики, так и не доходя до интимной кульминации. Они импонировали друг другу, но в то же время понимали, что на более тесную связь пока не готовы. И что самое удивительное оба пока что вполне удовлетворялись такими целомудренными взаимоотношениями. Хотя, возможно, они просто присматривались друг к другу, как и положено молодым людям, имеющим цель не просто «перепихнуться», а завести семью, и у которых в голове не свербит, застилая разум, животный порыв: поиметь за жизнь как можно больше сексуальных партнеров и не терять времени даром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.